

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-219-222

Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

ДЖАЛИЛОВА Нулуфар Вахид кызы,
Студентка 2 курса магистратуры
Евразийского Учебного Института МГИМО,
e-mail: nilufer.celilova002@gmail.com

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА СТРАН АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ: КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ, ОБЫЧНОЕ ПРАВО И ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются особенности правовых систем государств Тропической Африки в их историческом развитии и современном состоянии. Анализируется влияние британского, французского и бельгийского колониального права на формирование национальных правовых порядков, прослеживается механизм встраивания обычного (традиционного) права в постколониальные государственные структуры. Рассматривается феномен правового плюрализма как устойчивой черты африканских правовых систем, при которой нормы государственного законодательства сосуществуют с обычно-правовыми практиками и, в ряде регионов, с нормами исламского права. Показано, что несмотря на декларируемый курс на правовую унификацию, большинство стран Тропической Африки по-прежнему функционируют в условиях многоуровневого нормативного порядка, порождающего как правоприменительные трудности, так и уникальные механизмы урегулирования споров. Особое внимание уделено реформам конца XX — начала XXI века и возникающим в их ходе противоречиям между требованиями международных стандартов в области прав человека и укоренёнными традиционными нормами.

Ключевые слова: правовой плюрализм; правовые системы Африки; обычное право; колониальное право; исламское право; постколониальные трансформации; правовая реформа; Тропическая Африка; романо-германская семья; семья общего права.

JALILOVA Nilufar Vakhid kyzy,
Master's student Eurasian Educational Institute
of MGIMO University

LEGAL SYSTEMS OF SUB-SAHARAN AFRICA: COLONIAL LEGACY, CUSTOMARY LAW AND POST-COLONIAL TRANSFORMATIONS

Annotation. The article examines the legal systems of Sub-Saharan African states in their historical development and contemporary condition. It analyses the impact of British, French, and Belgian colonial law on the formation of national legal orders, and traces the mechanism by which customary (traditional) law was incorporated into post-colonial state structures. The phenomenon of legal pluralism is considered as a persistent feature of African legal systems, wherein state legislation coexists with customary legal practices and, in certain regions, with Islamic law. The study demonstrates that, despite declared policies of legal unification, most Sub-Saharan states continue to operate within a multilayered normative order that generates both law-enforcement difficulties and unique dispute resolution mechanisms. Special attention is given to the reforms of the late twentieth and early twenty-first centuries and the tensions arising from the conflict between international human rights standards and entrenched customary norms.

Key words: legal pluralism; African legal systems; customary law; colonial law; Islamic law; post-colonial transformations; legal reform; Sub-Saharan Africa; Romano-Germanic family; common law family.

Правовые системы государств Тропической Африки представляют собой один из наиболее сложных и многогранных

объектов сравнительного правоведения. Их своеобразие определяется не только многообразием исторических путей, которыми народы африкан-

ского континента приходили к государственности, но и особым характером колониального вмешательства, коренным образом переструктурировавшего традиционные нормативные порядки. К югу от Сахары расположены несколько десятков государств, принадлежащих к различным правовым семьям — семье общего права (прежде всего бывшие британские владения), романо-германской семье (бывшие французские и бельгийские колонии) и смешанным системам. Вместе с тем подобная классификация схватывает лишь внешнюю, «официальную» сторону правовой жизни. В реальности ни одна страна Тропической Африки не функционирует исключительно в рамках перенесённых европейских моделей: повсеместно продолжает действовать обычное (традиционное) право, а на севере субрегиона — и нормы исламской правовой традиции. Именно этот многоуровневый, или плюралистический, характер нормативных систем Африки южнее Сахары составляет их главную отличительную черту [1].

Отправной точкой для понимания современного правового ландшафта Тропической Африки служит колониальный период, радикально изменивший соотношение между государственно-правовыми и традиционными нормативными структурами. Британская колониальная администрация проводила политику *indirect rule* — непрямого управления, при которой традиционные вожди и советы старейшин сохранялись как институты «туземного самоуправления» и наделялись правом рассматривать споры по нормам обычного права в рамках специальных «туземных судов» [2]. Так складывалась устойчивая дуалистическая модель: суды общего права для европейцев и дела, связанные с интересами Короны, — и параллельно существующая система «местных трибуналов» для коренных жителей. Французская модель формально строилась на иных принципах. Метрополия декларировала *politique d'assimilation*, предполагавшую постепенное встраивание образованного африканского населения в правовое поле Французской республики. Однако на практике и в рамках этой системы существовало разделение между гражданами (*citoyens*), на которых распространялось французское право в полном объёме, и «подданными» (*sujets*), подпадавшими под режим «местного статуса» с применением традиционных норм [3]. Бельгийская модель управления в Конго вовсе открыто опиралась на традиционные институты, превращая вождей в элементы колониальной бюрократической вертикали, что, однако, нередко деформировало или создавало искусственные властные структуры там, где их прежде не существовало. В итоге ко времени деколонизации — рубежу 1950–1960-х

годов — во всех этих территориях сложились смешанные правовые пространства, содержавшие и принесённое европейское право, и традиционные нормы, зачастую кодифицированные или адаптированные колонизаторами в выгодном для себя направлении.

Процессы политической деколонизации, развернувшиеся в 1957–1968 годах, поставили перед новыми правительствами крайне непростой вопрос: что делать с доставшимся в наследство правовым порядком? Большинство государств избрали путь «рецепции» колониального законодательства с последующей постепенной «африканизацией». Типичная картина выглядела следующим образом: в момент провозглашения независимости все действовавшие законы объявлялись сохраняющими силу, если не противоречат новой конституции, — и государство тем самым избегало немедленного правового вакуума. Показателен пример Нигерии: провозгласив независимость в 1960 году, она сохранила в основе своей системы общее английское право, а параллельно — развитую сеть кастомари-кортов (*Customary Courts*) и, на севере страны, шариатских судов для мусульманского населения [4]. Схожая логика прослеживалась в франкофонных государствах: Сенегал, Кот-д'Ивуар, Камерун и другие унаследовали французские гражданские и уголовные кодексы, которые продолжали применяться в судах общей юрисдикции, тогда как сельское население по-прежнему решало большинство споров через традиционные механизмы примирения. Принципиально иным путём попытались пойти некоторые страны, объявившие о строительстве социализма. Так, Эфиопия при Менгисту (1974–1991), Мозамбик при ФРЕЛИМО и Ангола при МПЛА предпринимали попытки заменить как колониальное, так и традиционное право унифицированным революционным законодательством. Однако практика неизменно обнаруживала неустраиваемость обычно-правовых практик: государство попросту не располагало ни административными ресурсами, ни социальным авторитетом, чтобы вытеснить обычай из повседневной жизни деревни.

Место обычного права в правовой жизни Тропической Африки остаётся, пожалуй, самым сложным вопросом для исследователя. Трудность здесь не в отсутствии источников, а в устойчивости определённого взгляда: долгое время западная литература представляла его чем-то застывшим, «примитивным» — обречённым исчезнуть под натиском европейских кодексов. Эта позиция оказалась в значительной мере ошибочной. Работы второй половины XX века, в первую очередь труды А. Эллотта, показали: обычное право

всегда было живым, изменчивым регулятором, реагировавшим на хозяйственные и социальные сдвиги куда оперативнее, чем написанный закон [5]. Его принципиальное отличие от европейского процессуального мышления — в самой цели разбирательства. Трибунал старейшин не выносит приговор: он ищет такое решение, при котором обе стороны смогут продолжать жить в одной общине. Не вина — а восстановление нарушенного баланса. Именно поэтому в земельных, наследственных и семейных делах обычно-правовые механизмы нередко работают эффективнее государственного суда — особенно там, где до районного центра несколько часов езды, а судебная пошлина сопоставима с месячным доходом крестьянской семьи. Постколониальные государства в большинстве своём приняли обычное право как данность — пусть и с оговорками. Гана в Конституции 1992 года допустила его применение при условии непротиворечия конституционным принципам [6]; Уганда создала специализированные суды; в ряде франкофонных стран де-юре ничего подобного нет, но де-факто на уровне деревни и квартала «примирительные комиссии» работают постоянно.

Говоря о нормативном ландшафте Тропической Африки, нельзя обойти ислам. Шариатские правовые традиции укоренились в Сахеле задолго до появления европейских колонизаторов — через транссахарскую торговлю и джихадистские движения XVIII–XIX веков, породившие такие государственные образования, как Сокотский халифат и Борну. К тому моменту, когда британцы и французы приступили к разделу Западной Африки, мусульманское население нынешних Нигерии, Мали, Сенегала и Нигера уже столетиями жило по нормам исламского права. Реакция колониальных держав на этот факт была прямо противоположной. Британцы в Северной Нигерии, верные своей логике непрямого управления, оставили эмирскую власть и кадийские суды нетронутыми — лишь ограничив применение хаддовых наказаний и поставив суды под контроль администрации. Французы поступили иначе: единый гражданский кодекс формально упразднил исламские суды по всей Западной Африке. Но — только формально. В деревнях Сенегала или Мали браки, разводы и наследственные споры продолжали решаться по исламским нормам вне зависимости от того, что было написано в Дакаре или Бамако. После независимости вопрос о шариате вновь оказался в центре политической борьбы. Нигерийский случай 1999–2002 годов наиболее показателен: двенадцать северных штатов ввели уголовный шариат, спровоцировав острый конституционный кризис вокруг соотношения федераль-

ного права и компетенций штатов [7]. Сходные, пусть и менее взрывоопасные, противоречия проявились в Судане и Мали — там, где апелляция к исламской идентичности стала инструментом политической мобилизации в условиях государственного распада.

Реформы правовых систем Тропической Африки в последние десятилетия XX — начале XXI века определялись двумя во многом противоречащими друг другу логиками. Первая шла извне: Всемирный банк и МВФ связывали кредитование с выполнением условий «верховенства права» — независимая судебная власть, прозрачное коммерческое законодательство, гарантии для иностранных инвестиций. Ответом стали масштабные законодательные заимствования. Франкофонные страны в 1990-х годах переписывали инвестиционные кодексы, ориентируясь на французские и американские образцы. Результаты оказались смешанными: буква закона менялась, практика — значительно медленнее. Вторая логика вызревала внутри академического и отчасти политического сообщества. Южноафриканская Конституция 1996 года предложила принципиально иную модель: обычное право признаётся самостоятельным источником права — но только в той мере, в какой не противоречит конституционным правам человека [8]. Это попытка не устранить правовой плюрализм, а ввести его в управляемые рамки. Модель получила широкое признание в сравнительном правоведении. Вместе с тем её применение немедленно столкнулось с болезненными противоречиями — прежде всего в вопросах положения женщин. Нормы о лобла, наследовании по мужской линии, полигамии и земельных правах традиционно ставят женщин в неравное положение. Это прямой конфликт с конституционными гарантиями гендерного равенства [6][8], и он не разрешён ни в ЮАР, ни в большинстве других государств, идущих по схожему пути.

Подводя итог, можно констатировать: правовые системы Тропической Африки не поддаются описанию в терминах «архаичного» и «современного», «традиционного» и «рецептированного». Это живые гибридные конструкции, в которых три нормативных пласта — государственное право, обычное и религиозное — не просто сосуществуют, но постоянно воздействуют друг на друга, видоизменяя и приспосабливая чужие элементы под собственные нужды. Колониальная эпоха заложила институциональную матрицу, от которой не удалось отойти ни одному постколониальному правительству — даже тем, что искренне этого добивались. Устойчивость обычного права объясняется просто: там, где государство физически не дотягивается до деревни, обычай закрывает

ваает правовой вакуум. Шариат в Сахельской зоне — нечто большее, чем правовой инструмент; это язык идентичности, и с этим невозможно не считаться. Перед юридической наукой стоит задача, которую трудно решить в формате законодательной реформы: как выстроить отношения между этими слоями так, чтобы они дополняли, а не разрушали друг друга — сохраняя при этом минимальный стандарт защиты прав человека. Путь форсированной унификации по западным образцам уже показал свою несостоятельность. Не унификация, а управляемый плюрализм — вот что может стать реалистичной повесткой правового развития для государств Тропической Африки в нынешнем столетии.

Список литературы:

- [1] Allott A. The Unification of Laws in Africa // *American Journal of Comparative Law*. 1968. Vol. 16. № 1/2. P. 51–87.
- [2] Merry S.E. Legal Pluralism // *Law and Society Review*. 1988. Vol. 22. № 5. P. 869–896.
- [3] Bruno de Matos A. Assimilation and the Colonial Subject: French and Portuguese Approaches in Africa // *Journal of African History*. 1972. Vol. 13. № 3. P. 481–500.
- [4] Elias T.O. The Nature of African Customary Law. Manchester: Manchester University Press, 1956. 318 p.
- [5] Allott A., Woodman G. (eds.) *People's Law and State Law: The Bellagio Papers*. Dordrecht: Foris Publications, 1985. 372 p.
- [6] Bennett T.W. Customary Law in South Africa. Lansdowne: Juta, 2004. 411 p.

[7] Peters R. Crime and Punishment in Islamic Law: Theory and Practice from the Sixteenth to the Twenty-First Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 260 p.

[8] Höivik S. The Constitution of South Africa and the Recognition of Customary Law // *African Human Rights Law Journal*. 2006. Vol. 6. № 1. P. 166–189.

References:

- [1] Allott A. The Unification of Laws in Africa // *American Journal of Comparative Law*. 1968. Vol. 16. № 1/2. P. 51–87.
- [2] Merry S.E. Legal Pluralism // *Law and Society Review*. 1988. Vol. 22. № 5. P. 869–896.
- [3] Bruno de Matos A. Assimilation and the Colonial Subject: French and Portuguese Approaches in Africa // *Journal of African History*. 1972. Vol. 13. № 3. P. 481–500.
- [4] Elias T.O. The Nature of African Customary Law. Manchester: Manchester University Press, 1956. 318 p.
- [5] Allott A., Woodman G. (eds.) *People's Law and State Law: The Bellagio Papers*. Dordrecht: Foris Publications, 1985. 372 p.
- [6] Bennett T.W. Customary Law in South Africa. Lansdowne: Juta, 2004. 411 p.
- [7] Peters R. Crime and Punishment in Islamic Law: Theory and Practice from the Sixteenth to the Twenty-First Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 260 p.
- [8] Höivik S. The Constitution of South Africa and the Recognition of Customary Law // *African Human Rights Law Journal*. 2006. Vol. 6. № 1. P. 166–189.

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.